

Вера Николаевна
Эдлер фон Ренненкампф

ВОСПОМИНАНИЯ

Вера Эдлер фон Ренненкампф
Воспоминания

«ПОСЕВ»

2013

УДК 94(100)"19"(093.3)
ББК 63.3(0)6

Эдлер фон Ренненкампф В. Н.

Воспоминания / В. Н. Эдлер фон Ренненкампф — «ПОСЕВ»,
2013

ISBN 978-5-9902820-7-0

Воспоминания баронессы Веры Николаевны Эдлер фон Ренненкампф – супруги генерала от кавалерии, генерал-адъютанта Павла Карловича фон Ренненкампфа публикуются впервые. Центральное место в них занимает биография ее мужа – эстляндского уроженца, личности весьма незаурядной, яркой, особенно популярной в эпоху Русско-японской войны и накануне Первой мировой. Особое внимание в воспоминаниях уделяется жизненным коллизиям и родственным связям генерала, его служебной деятельности на различных постах в российской армии и обстоятельствам трагической гибели. Повествование идет на фоне таких исторических событий, как подавление боксерского восстания в Китае, Русско-японская война, революция 1905–1907 гг., Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции 1917 г. и Гражданская война. Автор пишет о своей деятельности в качестве сестры милосердия, попечительницы школы для офицерских детей и благотворительницы. Перед читателем проходит галерея известных современников В. Н. фон Ренненкампф и исторических личностей, среди них – Николай II, императрицы Александра Федоровна, Мария Федоровна, великий князь Николай Николаевич, А. И. Гучков, В. А. Сухомлинов, Н. А. Епанчин, В. В. Бискупский, А. В. Самсонов, Н. В. Рузский, коллекционеры И. Х. Колодеев, А. В. Верещагин и др.

УДК 94(100)"19"(093.3)
ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-9902820-7-0

© Эдлер фон Ренненкампф В. Н., 2013

© ПОСЕВ, 2013

Содержание

От составителя[1]	7
Мои воспоминания о генерале П. К. Ренненкампф	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Вера Николаевна Эдлер фон Ренненкампф

Воспоминания

Составление, подготовка текста и примечания Н. С. Андреевой

© Содружество «Посев», 2013

© Андреева Н. С., 2013

От составителя¹

Воспоминания супруги генерала Павла Карловича фон Ренненкампфа – Веры Николаевны фон Ренненкампф,² впервые предлагаемые вниманию читателей, были обнаружены в Военном архиве в Венсенне (Париж, Франция), куда в 1996 г. рукопись вместе с другими материалами личного фонда генерала передал зять П. К. Ренненкампфа – известный французский историк-наполеоновед Ж. Саван (J. Savant).³

Оригинал воспоминаний представляет собой рукописный текст и занимает пять общих тетрадей под названием «Вера Николаевна Эдле-де-Ренненкампф. Воспоминания». Приложением к основному тексту воспоминаний служат две тонкие школьные тетради, озаглавленные «Souvenirs intimes de Véra Nikolaïevna sur son mari Paul Karlowitch de Rennenkampf» и «Souvenirs de S[a] H[aute] Excellence] Madame la Générale Véra Nikolaïevna Edle de Rennenkampf sur divers Membres de la Famille de Rennenkampf».⁴ Они посвящены личной, семейной жизни Ренненкампфа, его детям и некоторым родственникам. Вера Николаевна приводит множество биографических подробностей, записанных со слов мужа и его близких, и потому эта часть воспоминаний представляет особый интерес.

Эти тетради публикуются после основного текста воспоминаний под римскими номерами I и II.

Практически полное отсутствие авторской правки в рукописи говорит о том, что перед нами – окончательная редакция воспоминаний. Вероятно, имелся черновой вариант текста, однако среди документов фонда его нет.

Хотя рукопись не датирована, текст и косвенные свидетельства позволяют определить ее приблизительную дату. В фонде имеются заверенные Верой Николаевной 20.10 1933 г. в Афинах французские переводы некоторых отрывков из ее воспоминаний, причем изложение событий в них несколько отличается от рукописи мемуаров. Эти переводы, вероятно, были сделаны для Ж. Савана с подготовительных мемуарных записей В. Н. Ренненкампф.⁵

Работать же над самим оригиналом воспоминаний, как представляется, она начала в 1934 г. после переезда из Греции во Францию. Завершение работы над рукописью можно датировать 1939 г., во всяком случае, накануне Второй мировой войны воспоминания были окончены. Об этом, в частности, свидетельствуют упоминания автора о Первой мировой как о «последней войне». Кроме того, 1939 г. является крайней датой относящихся к работе над рукописью документов.

В 1934–1939 гг. В. Н. Ренненкампф опубликовала несколько небольших текстов мемуарного характера в христианском журнале «Верность», выходившим под редакцией А. В. Добры-

¹ Автор-составитель выражает благодарность «Maison des sciences de L'Homme» (Париж) и лично В. Береловичу, С. Кольпар, а также Р. Ш. Ганелину, Г. В. Вилинбахову, Л. Я. Сае, С. Н. Исклюю.

² Эдлер фон Ренненкампф Вера Николаевна родилась 22.07 1877 г. (по др. данным, 1879 г.) в семье полковника Николая Леонутова и Екатерины, ур. Бенвенуто-Циллини – начальницы женского четырехклассного училища в Таганроге. Первым браком была замужем за греческим подданным банкиром Георгием Крассаном, но быстро овдовела. В 1920 г. эмигрировала через Крым в Константинополь, оттуда вскоре переехала в Афины. С 1934 г. жила в Париже. Скончалась 28.10 1969 г. на 93-м году жизни и похоронена на кладбище Пер-Лашез.

³ Service historique de la Défense Château de Vincennes (Историческая служба Министерства обороны Франции, замок Венсенн; далее – Vincennes). 1 к 125 Papiers Rennenkampf. В архивном описании фонда П. К. Ренненкампфа допущены ошибки. Зять Ренненкампфа – Ж. Саван ошибочно назван его внуком, а супруга Савана – Татьяна Павловна – вдовой П. К. Ренненкампфа. Ей приписывается авторство воспоминаний, в то время как их написала ее мать Вера Николаевна.

⁴ «Собственные воспоминания Веры Николаевны о своем муже Павле Карловиче фон Ренненкампф» и «Воспоминания Ее Высочеством г-жи В. Л. Эдле фон Ренненкампф о различных членах фамилии Ренненкампф» (фр.).

⁵ Выдержки из этих переводов Ж. Саван использовал в некоторых своих работах. Напр.: *Savant*]. *Épopée russe: campagne de l'armée Rennenkampf en Prusse-Orientale*. Paris, 1945.

нина в Филадельфии и Таллине.⁶ Они отличаются по содержанию от рукописи воспоминаний и дополняют ее существенными подробностями. Так, на страницах журнала Вера Николаевна, среди прочего, описывала свое бегство из Советской России через Крым в Константинополь и Афины, а затем – в Париж, писала о трагических событиях своей жизни – казни мужа и гибели шестнадцатилетней дочери от ее первого брака.

Особое место, обусловленное религиозным направлением «Верности», занимает повествование об отношении П. К. Ренненкампфа к вере и о его переходе из лютеранства в православие. По словам вдовы генерала, он сознательно сменил конфессию после выхода в отставку, не желая создавать впечатления, что «выслуживается в православном государстве и ищет себе преимуществ, особенно в то время, когда военно-патриотические настроения в России восставали против всего, что было хотя бы в некоторой связи с Германией».

Относящиеся к воспоминаниям документы, прежде всего обширная переписка автора с разными лицами, дают возможность проследить ход работы над рукописью. Среди корреспондентов Веры Николаевны встречаются, например, родственники генерала – Карл Андреевич и Мария Лукьяновна Ренненкампф, мать главнокомандующего Русской армией генерала П. Н. Врангеля М. Д. Врангель, сослуживцы П. К. Ренненкампфа – П. С. Бассен-Шпиллер, генералы В. В. Бискупский, С. Верховский, С. К. Белосельский-Белозерский, В. В. Чернавин и др.

Особая роль в появлении воспоминаний принадлежит ученому эксперту Русского заграничного исторического архива при Министерстве иностранных дел Чехословацкой Республики Чернавину. Поиски материалов о Первой мировой войне послужили поводом для его знакомства с В. Н. Ренненкампф. В 1930 г. он обратился к Вере Николаевне с просьбой сообщить о том, имеются ли у нее какие-либо документы, связанные с военной деятельностью мужа. Между ними сразу же завязалась оживленная переписка, которая прервалась только в конце 1938 г. под влиянием внешнеполитических событий.

В своем письме Вере Николаевне от 26.06 1933 г. В. В. Чернавин высказался о необходимости собрать материал для реабилитации П. К. Ренненкампфа. Не исключено, что именно это побудило В. Н. Ренненкампф написать воспоминания. Она стремилась выполнить предсмертную просьбу мужа «обелить его имя от клеветы» и вместе с тем «дать свету настоящий облик генерала Павла Карловича Эдлер фон Ренненкампфа». Другим, не менее важным мотивом, стало ее желание оставить дочери воспоминания об отце.

Чернавин регулярно сообщал Вере Николаевне о своих научных разысканиях, связанных с именем П. К. Ренненкампфа, а также о посвященных ему новых публикациях. Благодаря занимаемой должности и обширным знакомствам среди российской военной эмиграции в Париже, Праге, Афинах, Таллине и Сан-Паулу Чернавин собрал значительное число различных материалов о П. К. Ренненкампфе. Эти материалы Вера Николаевна активно использовала при работе над воспоминаниями. Переписка с Чернавиным, собственно, во многом повлияла на их содержание, так, некоторые сюжеты для своих мемуаров она почерпнула из его писем.

В стремлении реабилитировать П. К. Ренненкампфа Вера Николаевна была не одинока. Часть эмиграции считала его невиновным ни в стратегических ошибках, приведших якобы к поражению в Восточно-Прусской операции, ни, тем более, в государственной измене.⁷ Этого

⁶ Ренненкампф В. Н. «Я успокою Вас» // Верность. 1934. № 11–12. С. 150–152; Она же. Ренненкампф о своих переживаниях // Там же. 1937. № 1–3. С. 16–20; Она же. Ренненкампф – на молитве // Там же. 1939. № 1–3. С. 14–15. Эти статьи публикуются в Приложении I.

⁷ Известный военный историк генерал Н. Н. Головин считал действия Ренненкампфа в стратегическом отношении безупречными. См. рец. В. В. Чернавина «Кампания 1914 г.» на книгу Н. Н. Головина «Из истории кампании 1914 г. на русском фронте» (Прага, 1925), помещенную в кн.: На чужой стороне. 1925. Кн. XIII. С. 257–262; см. также: Деникин А. П. Путь русского офицера. М., 1991. С. 252–253; Андоленко С. П. Восточно-Прусская операция 1914 г. // Возрождение. 1964. № 153. С. 79–86. См. также статьи Ж. Савана о событиях под Танненбергом: Savant J. Encore la bataille de Tannenberg // L'Action Française. 21.02.1938; Idem. Révélations sur Rennenkampf et la légende de Tannenberg // Ibid. 15.03, 15.04, 17.04, 19.04, 23.04, 30.04, 2.08, 9.08.1938; Idem. Un adversaire de Ludendorff: Rennenkampf // L'Indépendant. 25.12.1937.

мнения придерживались, например, генералы Н. Н. Головин, П. Н. Врангель, А. И. Деникин, В. В. Чернавин, Виленский губернатор Д. Н. Любимов, В. А. Верещагин и др.

В целях реабилитации П. К. Ренненкампфа по инициативе его супруги 22.11 1936 г. было основано историческое общество «Друзей Ренненкампфа» («Les Amis de Rennenkampf»). Его почетным председателем стала сама Вера Николаевна, президентом бюро – Ж. Саван, а в почетный комитет (Comité d'Honneur) вошли вдова П. Н. Врангеля – баронесса О. М. Врангель, генералы Н. А. Епанчин, С. К. Белосельский-Белозерский, В. И. Гурко, В. В. Чернавин, А. Ниссель, комендант Дома инвалидов генерал Марио (Mariaux), муниципальный советник Парижа Э. Фор (E. Faure) и др.

Чернавин активно помогал Вере Николаевне в ее начинаниях, причем не только присылкой исторических материалов. В письме от 14.03 1938 г. он поделился с ее дочерью Татьяной Павловной своим замыслом написать большую статью о П. К. Ренненкампфе. В ней Чернавин предполагал рассказать о смерти генерала «в связи с обвинениями против него, также и о тех легендах о его близких родственниках, служивших в германской армии, и т. п.». Судя по всему, Вторая мировая война помешала этому замыслу, как и другим планам общества «Друзей Ренненкампфа».

Павел Карлович (Пауль Георг) Эдлер фон Ренненкампф⁸ родился 17.04 (по др. данным 7.04) 1854 г. в родовом имении Конофер Эстляндской губернии. Он был шестым ребенком и пятым сыном в семье штабс-ротмистра в отставке Карла Густава фон Ренненкампфа (1813–1871). Пример отца, семейные традиции и популярность военной профессии среди остзейского дворянства предопределили выбор карьеры – из четырех братьев трое стали офицерами.⁹

В 1870 г. Павел поступил в Гельсингфорское пехотное юнкерское училище, известное своими строгими порядками. Отец выбрал ему это учебное заведение в «наказание» за проступок (Павел неудачно заступился за брата, которого оскорбил директор гимназии). При этом отец так напутствовал сына: «Если ты сильный характером и умный, то и там (в училище. – Н. А.) не пропадешь. Выйдешь с честью, человеком и сделаешь карьеру».

Павел не обманул ожиданий отца. Он не только блестяще окончил училище в 1872 г., но и успешно продолжил обучение в Николаевской академии Генерального штаба (1879–1882), окончив ее по первому разряду. Боевую славу ему принесло участие в качестве командира Амурского отряда в подавлении Боксерского восстания в Китае 1900–1901 гг. В ходе этой кампании П. К. Ренненкампф был награжден двумя Георгиевскими крестами – 4-й и 3-й степени за «боевые подвиги против китайцев» и взятие важных стратегических центров Северной Маньчжурии – Цицикара и Гирина. Так, он стал единственным командиром, дважды за Китайский поход удостоенным этой высокой награды.

В Русско-японскую войну 1904–1905 гг. Ренненкампф отличился, командуя Забайкальской казачьей дивизией; был ранен в ногу, но смог вскоре вернуться в строй. За проявленные решительность и бесстрашие в боях с японцами он получил золотое оружие с надписью «За

⁸ Прибалтийско-немецкий род фон Ренненкампф предположительно происходит из Оснабрюкского епископства. В 1602 г. возведен в дворянское достоинство Священной Римской империи. По семейному преданию дворянский диплом со временем был утрачен. Вместо него Георг фон Ренненкампф (1690–1742) получил 28.12 1728 г. от императора Карла VI новый диплом на дворянское достоинство для себя и своих потомков с именем (титолом) «Эдлер фон Ренненкампф». Род фон Ренненкампф внесен в матрикулы (дворянские родословные книги) всех четырех рыцарств Прибалтийских губерний (лифляндского, эстляндского, курляндского и эзельского).

⁹ Всего у Карла Густава было восемь детей – две дочери и шестеро сыновей, двое из которых умерли в детстве. Помимо отца, военными были прадед Павла Карловича Георг Густав Ренненкампф, двоюродные дяди – Петер Густав (вышел в отставку штабс-капитаном), Густав Иоганн (капитан), Пауль Вольдемар и Адольф Эмиль Андреас дослужились до адмиральских чинов. Брат деда Густав Магнус – полковник, командир Смоленского пехотного полка, отличился в сражении с французами при Краонне в 1814 г. и был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и прусским орденом Pour le Mérite. В роду матери П. К. Ренненкампфа Анны фон Штакельберг также были военные. Она приходилась внучкой майору Берндту Рейнгольду и праправнучкой шведскому генерал-лейтенанту, губернатору острова Эзеля (сейчас Сааремаа) Карлу Адаму фон Штакельбергу.

храбрость», орден Святого Станислава 1-й степени и чин генерал-лейтенанта. Боевые заслуги в Русско-японскую войну сделали имя Ренненкампфа весьма популярным. О нем много говорили и писали, а его портреты украшали не только страницы журналов и открытки, но даже встречались на брошках, спичечных коробках и обертках для мыла.

Несмотря на заслуги и известность, карьера П. К. Ренненкампфа складывалась непросто. Определенную роль в этом сыграли сложные отношения с непосредственным начальством и с некоторыми из подчиненных. К зависти и интригам со стороны ближайшего окружения, о которых пишет Вера Николаевна, добавлялись проблемы, возникавшие из-за нелегкого характера самого генерала. Однажды на маневрах дело даже дошло до дуэли с начальником штаба Ф. В. Сиверсом, весьма невзлюбившим Ренненкампфа.

Особой симпатии к нему не испытывал и военный министр А. Ф. Редигер, препятствовавший продвижению Павла Карловича по службе. Ему несколько раз удавалось отклонить предложения Николая II повысить П. К. Ренненкампфа в должности.¹⁰ В результате он почти семь лет оставался лишь командиром корпуса. Перемены в карьере Ренненкампфа произошли только после отставки Редигера – в 1910 г. он стал полным генералом (т. е. генералом от кавалерии), в 1912 г. был назначен генерал-адъютантом, а в 1913 г. – командующим войсками Виленского военного округа.

В целом, отношение к Ренненкампфу в обществе не было однозначным из-за его участия в подавлении революции 1905–1907 гг. в Сибири и Прибалтике. Хотя, по свидетельству В. В. Чернавина – очевидца событий в Прибалтийских губерниях, «рассказы о жестокостях генерала Ренненкампфа в Прибалтике во время революции относятся к области чистой фантазии». К его прибытию с революционным движением там было фактически покончено. Активных мер по усмирению провинций Ренненкампфу предпринимать не пришлось и, тем более, «не приходилось ему кого-либо казнить».

Недостаточно «энергичными» действиями генерала в Сибири Николай II вообще остался недоволен.¹¹ Несмотря на это в историографии встречаются утверждения, что Ренненкампф 5.03 1906 г. был награжден бриллиантовыми украшениями к золотому оружию за восстановление порядка на Восточно-Сибирской железной дороге. Однако в его послужном списке не уточняется, за что именно он получил эту награду. В то время как в справке об увольнении Ренненкампфа от службы 4.10 1915 г. отмечено, что он награжден «золотым оружием <...> украшенным бриллиантами» за Русско-японскую войну.¹²

Последними в военной карьере Ренненкампфа стали Восточно-Прусская и Лодзинская операции осенью 1914 г., в которых он командовал 1-й армией Северо-Западного фронта. Ответственность за неудачи в этих операциях, вызвавших сильное недовольство и всплеск германофобии в обществе, была целиком возложена на него.¹³ Собственно, Ренненкампф стал одной из «жертв» антинемецкой кампании – прибалтийский немец по происхождению, он как нельзя лучше подходил для роли «виноватого».¹⁴ Под влиянием шовинистических настроений

¹⁰ Редигер Л. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 219.

¹¹ Там же. Т. 1. С. 522.

¹² Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 409. Оп. 2. Д. 17007. Л. 5, 31 об.; см. Прил. II, III.

¹³ Взгляд на Восточно-Прусскую операцию как на поражение русской армии, который был широко распространен в российском общественном мнении, не вполне верен. В исторической литературе неоднократно обращалось внимание на тот факт, что эта операция спасла французскую армию от разгрома и сорвала германский план «молниеносной войны».

¹⁴ Об антинемецкой кампании см.: Дякин В. С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война 1914–1918. М., 1968. С. 227–238; Кирьянов Ю. И. «Майские беспорядки» 1915 г. в Москве // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 137–150; Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и Первая мировая война // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. СПб., 1999. С. 461–473; Она же. «Во имя своего прошлого, во имя всегдашней верности...» (Балтийские рыцарства и российское правительство. Из истории взаимоотношений. 1914–1917 гг.) // Русское прошлое. 1998. Кн. 8. С. 203–214; Она же. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб., 2008. С. 220–238.

в общественном мнении утвердился образ Ренненкампфа – «остзейского немца, предавшего русского генерала Самсонова».

Не последним обстоятельством при этом послужила давняя взаимная вражда П. К. Ренненкампфа с военным министром В. А. Сухомлиновым. Как пишет Вера Николаевна, Сухомлинов в связи с неудачами на фронте неоднократно намекал на немецкую фамилию ее мужа. В разгар «борьбы с немецким засильем» Ренненкампфу даже предлагали сменить фамилию, но он отказался сделать это.

В итоге, по настоянию главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта Н. В. Рузского, П. К. Ренненкампф 18.11 1914 г. был отстранен от командования армией и назначен в распоряжение военного министра. А его деятельность в Восточной Пруссии расследовала специальная комиссия под руководством генерал-адъютанта П. П. Баранова, причем никаких фактов «измены» Ренненкампфа она не обнаружила.¹⁵

Однако это уже не имело никакого значения; возможности вернуться в армейские ряды и восстановить свою репутацию у Ренненкампфа не было. Точку в его карьере поставил военный министр А. А. Поливанов. На запрос министра императорского двора В. Б. Фредерикса о дальнейшей службе П. К. Ренненкампфа Поливанов отвечал, что считает его возвращение в действующую армию «после создавшейся там около его имени молвы и при настоящих тяжелых условиях войны <...> совершенно невозможным».¹⁶ Иными словами, Ренненкампфу намекали, что следует подать в отставку. Так он и поступил, получив 6.10 1915 г. увольнение от службы «по домашним обстоятельствам».

По свидетельству жены, его душевное состояние было весьма тяжелым.¹⁷ Добиваясь реабилитации, Ренненкампф неоднократно требовал суда над собой, но «ему отвечали, что генерал-адъютантов не судят. Много раз он говорил, что снимет для этого свои генерал-адъютантские аксельбанты...» Обстоятельства военных действий составляли государственную тайну, поэтому его публичное оправдание, связанное с обнаружением документов о ходе Восточно-Прусской операции, было невозможно.

До самой смерти (собственно, и после нее) над П. К. Ренненкампфом тяготело обвинение в предательстве и измене. Это причиняло ему глубокие нравственные страдания – его не раз подвергали оскорблениям на улице и в общественных местах. В этой связи вполне справедливо замечание А. И. Деникина, считавшего, что «судьба генерала Ренненкампфа еще более трагична, чем Самсонова».¹⁸

Приступая к работе над рукописью, Вера Николаевна намеревалась *post factum* опровергнуть выдвинутые против мужа обвинения, поэтому некоторым сюжетам в воспоминаниях она уделила особое внимание. Один из них – взаимоотношения П. К. Ренненкампфа с прибалтийско-немецким дворянством.

¹⁵ А. И. Деникин, знакомый со следственным делом П. К. Ренненкампфа, отмечал в воспоминаниях, что выявленные в ходе следствия его стратегические ошибки были такими, «какие могут быть и у других командующих». При этом не было обнаружено «ни малейшего признака нелояльности» Ренненкампфа. М. Клейнмихель писала о том, что Ренненкампф понес наказание за ошибку, допущенную великим князем Николаем Николаевичем. Кроме того, имеются свидетельства фальсификации следственного дела Ренненкампфа. В письме В. В. Чернавину от 4.08 1935 г. Б. Г. Ломани, со ссылкой на бывшего начальника штаба 10-й армии генерала барона А. П. Будберга, сообщал о том, что из следственного дела Ренненкампфа были изъяты некоторые документы, невыгодные «для тех, кому нужно было, чтобы генерал Ренненкампф был признан виновным». По мнению начальника Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества В. Н. Орлова, доклад П. П. Баранова царю по делу П. К. Ренненкампфа был составлен «немного легкомысленно», в нем чувствовалась «рука Сухомлинова, который во что бы то ни стало хотел его (Ренненкампфа. – Н. А.) потопить». В целом, Орлов считал, что у Баранова «сложилось недостаточно ясное понятие о деле». См.: Деникин А. И. Указ. соч. С. 253; Kleinmichel M. Pilte ühest kadunud maailmast. Krahvinna Marie Klemmicheli mälestused. Tallinn, 1992. Lk. 141; Vincennes. 1 k 125 Papiers Rennekampf. Carton № 4. F. 3; Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. Т. 1. М., 1924. С. 177–178.

¹⁶ Поливанов А. А. Указ. соч. С. 179.

¹⁷ Тяжелую для П. К. Ренненкампфа ситуацию усугубила смерть его младшего брата Георгия и сестры Елизаветы Крузенштерн в германском плену весной 1915 г.

¹⁸ Деникин А. И. Указ. соч. С. 253, 250.

Она старательно «отмежевывала» своего супруга от остзейцев и от немцев вообще. По ее словам, он «не любил германцев и пруссаков. Говорил, что они материалисты, грубы и заносчивы...» Родовое имение в Эстляндской губернии Ренненкампф продал своему брату. Он не хотел жить в Прибалтике, т. к. слыл там «слишком уж русским патриотом», да и не любил прибалтийских немцев. Остзейцы платили ему тем же, считая его «страшным русофилом».

По свидетельству графини Марии Клейнмихель, поднимался даже вопрос об исключении П. К. Ренненкампфа из рядов рыцарства. Однако отнюдь не из-за «русофилии» генерала, а, по ее словам, из-за «шантажей в Китае и Маньчжурии», которые якобы «широко известны». Граф Пален, хотя лично и не уважал Ренненкампфа, все же отсоветовал дворянству исключать его из корпорации, чтобы не компрометировать военачальника во время боевых действий.¹⁹

Некоторые прогермански настроенные остзейские политики пытались в период Первой мировой войны также «откреститься» от П. К. Ренненкампфа. Характерна в этом отношении записка, составленная 20.06 1915 г. директором рыцарской гимназии в Ревеле и издателем «*Deutschen Monatsschrift für Russland*» А. Эггерсом для Министерства иностранных дел Германии. В этой записке он пытался убедить германское внешнеполитическое ведомство в том, что немецкое население Эстляндской губернии якобы мечтает объединиться с «германской родиной».²⁰

По словам Эггерса, младшие сыновья многодетных эстляндских помещиков не могли наследовать вотчину и, чтобы обеспечить свое существование, избирали военную карьеру (если, конечно, не имели способностей для учебы в университете). Среди этих людей, нередко имевших русских жен и православное потомство, «немецкий образ мыслей» уже не встречался. К их числу относились Ренненкампф и Сиверс, которых, по словам А. Эггерса, «мы рассматриваем как русских».²¹

Все же изменить распространенное в Германии представление о прибалтийских немцах как о наиболее верноподданнической части российского общества было весьма непросто. Так, например, автор опубликованной 25.09 1914 г. во «*Frankfurter Zeitung*» анонимной заметки о П. К. Ренненкампфе отмечал, что многие представители прибалтийско-немецкого дворянства более русские по своему образу мыслей и поступкам, чем сами русские.²²

По свидетельству жены, П. К. Ренненкампф «неохотно говорил о себе и мало рассказывал о службе». К тому же у них дома было взято за правило никогда не обсуждать служебные дела. В связи с этим в воспоминаниях, за редким исключением, нет каких-либо существенных подробностей о деятельности Ренненкампфа как военачальника.

Вместе с тем их автор описывает быт высшего офицерского корпуса, свою благотворительную и просветительскую деятельность, семейную жизнь, воспитание и обучение детей. Кроме того, она пишет о коллекциях мужа, о его любви к предметам старины и интересе к воен-

¹⁹ Неточность М. Клейнмихель: исключать Ренненкампфа из дворянской корпорации, вероятно, собирались не в период подавления Боксерского восстания или Русско-японской войны 1904–1905 гг., а позже – во время Первой мировой из-за событий в Восточной Пруссии в 1914 г. П. П. Баранов в докладе царю по делу П. К. Ренненкампфа обвинял последнего в попустительстве подчиненным, которые якобы занимались грабежами в Восточной Пруссии. При этом Баранов отмечал, что, хотя вагоны с «военной добычей» генерала Ренненкампфа в Вильно обнаружить не удалось, но «слухи о них циркулировали по городу». Обвинение в попустительстве грабежам основано целиком на показаниях начальника штаба 1-й армии Г. Г. Милланта, уволенного от этой должности из-за конфликта с П. К. Ренненкампфом. Кто из Паленов – Константин Иванович (Магнус Константин Фердинанд), министр юстиции (1867–1878) или его сын Константин Константинович (Константин Иоганн Георг), Виленский генерал-губернатор (29.09.1902–2.12.1905) – имеется в виду, автор не уточняет. Vincennes. 1 k 125 Papiers Rennenkampf. Carton № 4. Dossier: «Le rapport de Baranow». F. 16; Kleinmichel M. Op. cit. Lk. 141; Дрейер В. Н. фон. На закате империи. Мадрид, 1965. С. 153–154.

²⁰ Это утверждение А. Эггерса не соответствует действительности. Среди прибалтийских немцев существовали различные настроения, весьма сильной среди них была прорусская ориентация.

²¹ Politische Archiv des Auswärtigen Amtes. (Бонн, ФРГ). WK № 11 C geheim. Bd. 7. Bl. 114–115 (в делах Политического архива Министерства иностранных дел отсутствует пагинация, поэтому нумерация листов дана условно).

²² Frankfurter Zeitung. 25.09.1914. Цит. по: Vincennes. 1 k 125 Papiers Rennenkampf. Carton № 6. E 6.

ной истории. Благодаря этим увлечениям у него сложились дружеские отношения с известными коллекционерами – А. В. Верещагиным (братом художника В. В. Верещагина) и И. Х. Колодеевым. Ренненкампф был разносторонне развитым человеком – владел четырьмя иностранными языками, опубликовал несколько работ о своих военных кампаниях, которые привлекли внимание специалистов.²³

Падение царского правительства в феврале 1917 г. принесло П. К. Ренненкампфу новые испытания. Вместе с бывшими министрами и некоторыми другими лицами он оказался в Петропавловской крепости. Хотя официально не считался арестованным – по словам супруги, А. Ф. Керенский предложил ему «посидеть» в крепости, пока не улягутся «беспорядки». Между тем, обстановка все более накалялась, а Временное правительство постепенно теряло власть.

Положение Ренненкампфа ухудшалось с каждым днем – суровые условия содержания в Трубецком бастионе подорвали его здоровье, кроме того, велика была опасность самосуда над заключенными со стороны распропагандированного гарнизона крепости. В. Н. Ренненкампф делала все возможное, чтобы помочь мужу. В конце концов, с большим трудом она добилась его освобождения и увезла к семье в Таганрог, где находились в то время их дети и жили родственники первого мужа Веры Николаевны. Хотя и здесь, как оказалось, он не был в безопасности.

После того как город заняли части Красной армии под командованием Р. Ф. Сиверса, начались розыски П. К. Ренненкампфа, перешедшего на нелегальное положение. Некоторое время ему удавалось скрываться, но его все же выследили и 3.03 1918 г. арестовали. Ренненкампфа настойчиво пытались склонить к сотрудничеству с новой властью, предлагали командный пост – в Красной армии не хватало военных специалистов. Но все усилия оставались тщетными, перейти к большевикам на службу он отказался.

Вера Николаевна понимала, какая опасность угрожает мужу, и пыталась его спасти: готовила побег с последующим отъездом за границу. Однако он не мог рисковать ее жизнью и не хотел уезжать из России. Уговорить Ренненкампфа бежать не удалось, и это предрешило его дальнейшую судьбу. Перед отступлением большевиков из Таганрога в ночь с 31.03 на 1.04 1918 г. он был расстрелян по приговору революционного трибунала. Сам факт казни, совершенной с особой жестокостью, тщательно скрывался.

С приходом белогвардейцев началось расследование большевистских репрессий. В. Н. Ренненкампф пыталась разыскать могилу мужа, но все поиски были безуспешными. Найти ее помогло лишь присланное следователю анонимное письмо с указанием места, где был похоронен Ренненкампф. По точному описанию могилу вскоре обнаружили и, после опознания, 26.05 1918 г. Ренненкампфа перезахоронили на православном кладбище Таганрога. В соответствии с его последней волей он был погребен без особых почестей в братской могиле вместе с другими жертвами красного террора.

Между тем, при всей достоверности воспоминаний некоторые подробности ареста и казни П. К. Ренненкампфа вызывают определенные сомнения. Так, Вера Николаевна пишет о том, что в его аресте участвовало «семьдесят пять конных солдат». Происхождение этой цифры непонятно. Вряд ли сам Ренненкампф или же кто-то из свидетелей ареста считал этих солдат; тем более сомнительно, чтобы эту деталь его супруге сообщили в штабе большевиков.

Неясно, в какой мере заслуживают доверия обстоятельства расстрела П. К. Ренненкампфа, переданные со слов ясновидящей в одном случае и предполагаемого очевидца – в другом. Трудно поверить тому, что казнь Ренненкампфа была публичной, причем, как пишет его супруга, в присутствии «громadной толпы». Ведь в этом случае о расстреле П. К. Ренненкампфа было бы известно всему городу, в том числе и самой Вере Николаевне. По ее же сло-

²³ *Махров П.* Без страха и упрека! // Часовой. 1962. № 430 (3). С. 17; *Rennenkampf P. von.* Der zwanzigtägige Kampf meines Detachements in der Schlacht von Mukden. Berlin, 1909.

вам, о казни мужа ей сообщил один из офицеров, работавший на белых в штабе большевиков. В то время как местные революционные власти категорически отрицали факт расстрела Ренненкампфа – вряд ли они стали бы это делать, если бы казнь генерала действительно была публичной.

Не будучи свидетельницей смерти мужа, Вера Николаевна, вероятно, описала ее так, как это представлялось ее воображению. Сцена казни Ренненкампфа в целом выполняет важную смысловую функцию – она придает его образу ореол мученичества и вместе с тем привносит в воспоминания элемент житийности. В канонах этого жанра и троекратный отказ Ренненкампфа командовать «большевистскими войсками» и якобы звучавшие в толпе возгласы: «должно быть, святой жизни человек...» и явление супруге после смерти в качестве видения с известием о том, когда найдут его тело. Многочисленные цитаты из Библии, присутствующие в тексте, также придают ему религиозную окраску. После всего пережитого В. Н. Ренненкампф искала нравственную опору и утешение в вере, и это оставило свой след в ее воспоминаниях.

В заключение хотелось бы коснуться поисков, связанных с подготовкой рукописи к изданию. Работая над ней, мы решили выяснить судьбу дочерей П. К. Ренненкампфа Ираиды и Лидии. Розыски, конечно же, начались с Парижа – одного из крупных центров Русского зарубежья, где жили их сводная сестра Татьяна, мачеха и некоторые дальние родственники. В силу этих обстоятельств Франция представлялась наиболее вероятным местом пребывания Ираиды и Лидии.

Однако ни многочисленные запросы в мэрии округов Парижа, ни обследование парижских кладбищ, ни обращение в архив полицейской префектуры Парижа не дали положительных результатов. О дочерях П. К. Ренненкампфа не было обнаружено каких-либо сведений и в фондах русской эмиграции в других парижских архивах. Дальние родственники и потомки эмигрантов первой волны, к которым мы обращались за помощью, также ничего не знали ни об Ираиде, ни о Лидии. Практически ничего не удалось узнать и о жизни самой В. Н. Ренненкампф и ее дочери во Франции. Вероятно, они вели довольно замкнутый образ жизни и мало общались с местной русской колонией. К тому же смена поколений в этой колонии во многом усложнила поиски.

После длительных розысков в ближнем и дальнем зарубежье стало известно, что Лидия Павловна Ренненкампф скончалась в 1964 г. в США на 74-м году жизни. Выяснить же судьбу Ираиды по-прежнему не удавалось, но мы не теряли надежды. Наконец, поиски дали неожиданные результаты.

Выяснилось, что Ираида Павловна с детьми осталась в СССР; жила и работала учительницей в Грозном. В 1940 г. накануне войны ее как немку выслали на поселение в Красноярский край. В ссылке она и умерла в 1951 г., не дожив двух лет до амнистии. Все эти годы Ираида Павловна скрывала свое происхождение. Боясь за своих детей и внуков, она ничего не рассказывала им об их знаменитом деде и прадеде.

Так, живущая в Тольятти правнучка П. К. Ренненкампфа, Анна Александровна Добровольская, узнала о своем родстве с генералом только в конце 1990-х гг. благодаря стараниям московских генеалогов. Нам же удалось с ней встретиться летом 2004 г., причем первое, что бросилось в глаза, было ее поразительное сходство с прадедом.²⁴

Среди семейных фотографий Анна Александровна особо хранит три снимка. На одном из них – на фоне Саян стройная, элегантная женщина с печальным взглядом – Ираида Павловна. На двух других – красивая молодая и пожилая женщины, обе в изысканных нарядах конца XIX в. Две эти старые фотографии, по словам Анны Александровны, бабушка хранила всю жизнь, не расставалась с ними даже в ссылке. Кто только снят на них, внучка не знала. Между тем, было ясно – Ираида Павловна сохранила снимки двух самых близких для себя

²⁴ За указание на возможность этой встречи автор благодарит М. Ю. Катин-Ярцева.

людей: матери Адели фон Тальберг, на которую она очень походила, и бабушки Анны фон Штакельберг.²⁵

Воспоминания публикуются целиком, без существенных изъятий, с сохранением стилистических особенностей, а местами и орфографии подлинника. В. Н. Ренненкампф, очевидно, не предполагала их публиковать, а писала, так сказать, для личного пользования, поэтому рукопись нуждалась в определенной редакции. В ходе подготовки рукописи к публикации сняты повторы, текст приведен в соответствие с правилами современной орфографии и пунктуации, причем в некоторых случаях потребовалась его литературная редакция. Ниже приводятся примеры этой редакции (сначала идет авторский текст, затем дается его отредактированный вариант).

Оригинальный текст: «Генерал Верещагин произвел на меня хорошее впечатление, по внешности был представительным, большим, хотя мало походил на военного внутренним своим миром. Был образован, любившим всего древняго, красиваго, понимал художество и очень был большой любитель древних вещей, особенно понимал в вазах. Он с большим интересом и любовью осматривал все наши коллекции и особенно любовался вазами».

Редакция: «Большой, представительный Верещагин произвел на меня хорошее впечатление. Своим внутренним миром он мало походил на военного – был образованным, разбирался в искусстве и питал любовь ко всему древнему, красивому и, в особенности, – к вазам. С большим интересом он осмотрел все наши коллекции и любовался вазами».

Оригинальный текст: «Генерал был нумизматом, собирал только древния русския и польския монеты, в его красивом древне-русского стиля шкафчике, отделанном медными украшениями, верх которого представлял русскую избу, находилось три тысячи монет, держал он коллекцию в большом порядке лично сам, у меня остались в памяти необыкновенно большие медныя монеты, тяжелыя четырехугольного вида – это были старые рубли, они рублились из меди, отсюда и название этих монет – «рубл» от слово (sic!) рубить».

Редакция: «Генерал был также нумизматом, собирал только древние русские и польские монеты. В красивом древнерусского стиля шкафчике с медными украшениями и верхом в виде русской избы хранилось три тысячи монет. Коллекцию он держал в исключительном порядке. Мне запомнились старые рубли – необыкновенно большие медные монеты, тяжелые, четырехугольной формы. Они рублились из меди, отсюда и произошло название – "рубль"».

В публикации также сохранены характерные для эпохи и автора особенности написания имен собственных (Татиана – Татьяна), Мария Феодоровна – Федоровна), Иоанн (Иван) Калита и др.) и устаревшие слова (сотоварищи, дивный, ажитация и др.). Оставлено без изменения авторское написание заглавных букв в отдельных словах (Бог, Государь, Царь и др.).

В тексте публикуемых воспоминаний встречается различное написание фамилии Ренненкампф: Эдле де Ренненкампф, Эдле-де-Ренненкампф, Эдлер фон Ренненкампф, фон Ренненкампф, Ренненкампф. В России полная форма фамилии – Эдлер фон Ренненкампф или Эдде фон Ренненкампф практически не употреблялась, ее заменял сокращенный вариант – Ренненкампф, причем нередко без частицы «фон». Автор воспоминаний воспроизводит полную форму фамилии в заглавии рукописи, заменив немецкую частицу «фон» французским «де». На обложке издания фамилия автора дается в оригинальном написании (В. Н. Эдлер фон Ренненкампф) – так, как она писалась в России; написание «Эдле де Ренненкампф», которое приводится в рукописи, – несомненно, французского происхождения.

Сокращенное написание фамилии Ренненкампф и общеупотребительные сокращения раскрыты в тексте по умолчанию (ген. – генерал, полк. – полковник, кот. – который и т. д.). Все остальные сокращения раскрываются в квадратных скобках.

²⁵ Мать Ираиды Павловны умерла в молодости, не дожив и до 30 лет. После ее смерти Ираиду воспитывала бабушка – мать П. К. Ренненкампфа.

Географические названия воспроизводятся по рукописи, без перемен, в их историческом написании конца XIX – начала XX в. (Эстляндия, Вильно, Карлсбад и т. д.); авторские подчеркивания даются курсивом. Вставки на полях и оборотах страниц рукописи приводятся в тексте в угловых скобках, в них же даны пропущенные слова или предлоги. Повторы сняты по умолчанию.

В качестве приложений к изданию публикуются прошение П. К. фон Ренненкампфа об отставке 2.10 1915 г. и послужной список П. К. фон Ренненкампфа, составленный 6.12 того же года.

Публикацию сопровождают комментарий и именной указатель. Все они составлены доктором исторических наук Н. С. Андреевой. Ею же проведена подготовка текста к публикации и написана вступительная статья. Переводы с французского языка осуществлены доктором исторических наук С. Н. Искюлем. Иллюстрации подобраны Н. С. Андреевой и С. Н. Искюлем.

Автор-составитель благодарит Германский исторический институт в Москве за финансовую поддержку издания.

Н. С. Андреева

Мои воспоминания о генерале П. К. Ренненкампф 1906–1918 гг

Dominus dedit, Dominus abstulit; sit nomen Domini benedictum
(Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно
(лат.).
Книга Иова 1:21

Лишь продолжительные и горячие просьбы дорогой дочери Татианы²⁶ заставили меня решиться написать воспоминания о ее отце и моем муже, о котором я так много ей рассказывала и на которого она так похожа многими чертами характера и отчасти наружностью.

Когда тот, кого обожала армия, был расстрелян большевиками за отказ служить у них, Татiane исполнилось десять лет, и ее воспоминания об отце относятся только к нашей семейной, личной жизни. О жизни отца вне семьи, о его службе и деятельности она почти ничего не знала. Может быть, настанут дни, когда она будет вынуждена защищать честь и имя отца, и ей придется опровергать клевету, которой было так много и которая не прекращается. Тогда мои воспоминания и рассказы будут полезны и необходимы, чтобы дать свету настоящий облик генерала Павла Карловича Эдлер фон Ренненкампфа.

Годы лишений и все пережитое, наверное, не позволят мне рассказать в точной хронологической последовательности о нашей совместной с П. К. Ренненкампфом жизни, т. е. о 1906–1918 гг. Все же я постараюсь описать то, что мне известно, в некотором порядке.

О жизни мужа до нашего брака я знаю с его слов. Вообще он неохотно говорил о себе и мало рассказывал о службе. Хотя я сама была из военной среды, но не в пример другим женам военных мало интересовалась служебными делами генерала и никогда в них не вмешивалась. Это он особенно любил и ценил во мне. Муж считал, что не женское дело интересоваться политическими и военными вопросами. К тому же я была некомпетентна в этих делах и не считала их своей сферой. Да и отлично знала, что моему мужу это не понравится. Он обладал большим характером, был самостоятельным, смелым, мужественным, понимал и любил свое дело до самозабвения. В военном деле он был на своем месте, и что бы дали мое вмешательство и советы? Я занималась благотворительностью, делами милосердия, старалась помочь в меру моего разума и средств всем, обращавшимся ко мне.

В нашем доме никогда – ни в семейном кругу, ни во время светских приемов не допускались разговоры о служебных делах мужа. Это было правилом, законом как бы. Такие разговоры велись исключительно в кабинете генерала, за пределами которого он чувствовал себя светским человеком – мужем, отцом, но не начальником войск. Свою службу он считал серьезным, святым делом, а не способом сделать карьеру и, тем более, не темой для праздной светской болтовни.

Муж мой родился 17 апреля 1854 г. в Эстляндии, в имении отца Паункюль.²⁷ Его отец обладал большим характером и очень любил своих многочисленных детей (у него было четыре сына и две дочери).²⁸ Сыновей он воспитывал в рыцарском духе: закаливал характер, развивал

²⁶ Татьяна – дочь Веры Николаевны и Павла Карловича Эдлер фон Ренненкампфов. Родилась в Вильно 26.11 1907 г., скончалась в Монморанси 16.09 1994 г. Похоронена на кладбище Пер-Лашез.

²⁷ П. К. Ренненкампф родился 17.04, по др. данным 7.04 1854 г. в имении отца Конофер в Эстляндии. Имение Конофер (сейчас Конувере) впервые упоминается в 1563 г., с 1765 до 1919 г. с небольшим перерывом принадлежало семье Ренненкампф.

²⁸ Отец П. К. Ренненкампфа – Карл Густав (21.04.1813–22.06.1871), военный (штабс-ротмистр в отставке), имел восьмерых детей, двое из которых умерли в детстве.

храбрость, чтобы сделать из них, по его словам, рыцарей и душой, и телом. Трое сыновей стали военными, четвертый из-за слабого зрения не пошел по военной стезе. В детстве у моего мужа была узкая грудь, и из-за этого его могли признать не годным к воинской службе. По совету отца он стал делать особую гимнастику для развития груди и потом, уже став взрослым, поражал всех выправкой и своей широкой, на редкость выпуклой грудью.

Гуляя с детьми, отец нередко оставлял далеко от дома, в лесу, какую-нибудь вещь. С наступлением темноты маленький сравнительно мальчик Павел должен был один идти туда и принести ее отцу. Из всех братьев мой муж был самым храбрым, смелым, находчивым и отдавал военному делу всего себя. Два других его брата скоро вышли в отставку, не дойдя до чина полковника. Их больше интересовало пороховое дело, и оба они стали директорами больших пороховых заводов.²⁹

Муж мой, будучи еще ребенком, очень любил и уважал своего отца. Мать же обожал и, став взрослым, никогда не забывал заботился о ней, т. к. она овдовела.³⁰

Когда мальчики подросли, отец отдал их в Эстляндскую рыцарскую школу.³¹ Старший брат Владимир учился в одном классе с младшим Павлом – очень способным и умным мальчиком. Владимир был слабее здоровьем и страдал желудком, от этого он впоследствии и умер. В этой школе произошел инцидент, который мог сломать всю жизнь тогда еще юноши Павла.

Вот что произошло. На уроке директора школы в их классе у Владимира невыносимо разболелся желудок. Он попросил разрешения уйти, но директор не позволил, назвав его просьбу свинством. Оскорбленный этими словами Павел сказал, что свиней между Ренненкампфами нет и быть не может и швырнул в директора чернильницей. Потом взял за руку больного перепуганного брата и увел домой.

Дома он обо всем рассказал и просил отца забрать их документы из школы. Отцу ничего не оставалось делать, как выполнить просьбу сына. Он, безусловно, понимал, что скоро соберется училищный совет и Павла исключат, а этого он не хотел. Счастье еще, что чернильница не попала в директора, а пролетела над его головой.

Вернувшись, отец сделал сыну основательное внушение. Он сказал, что тот прав, заступившись за больного брата и не позволив даже директору оскорблять его грубыми выражениями. Желание защитить свою фамилию отец считал правильным, но избранный для этого способ – не верным, не рыцарским и не благородным.

«Бросать в директора чернильницей – дикость, – сказал отец, – которую я объясняю твоей молодостью и неумением себя сдержать. Директор прежде всего – человек, к тому же старый, ты же – мальчик. И еще директор – твое начальство. Никогда не забывай этого. Ты мог взять брата и уйти из класса, сказав, что вам не место в школе, где ее глава – директор позволяет себе так выражаться и незаслуженно оскорблять. Я бы, конечно, забрал вас обоих из школы после таких слов директора».

Отец решил наказать Павла за нерыцарское поведение и отдал его в Гельсингфорское пехотное училище. При этом отец так напутствовал сына: «Если ты сильный характером и умный, то и там не пропадешь. Выйдешь с честью, человеком и сделаешь карьеру». Владимир захотел разделить судьбу брата, пострадавшего как бы за него, и пожелал учиться там же.³²

²⁹ Имеются в виду *Владимир (Вольдемар Константин)* (23.08.1852–8/21.01.1912), ротмистр Литовского уланского полка, участник Русско-турецкой войны (1877–1878), вотчинник имения Конофер, директор «Русского общества для выделки и продажи пороха» и *Георгий (Георг Олаф)* (30.12.1859–12.03.1915), старший лейтенант, вотчинник имения Паункюль, директор порохового завода в Заверце.

³⁰ Мать П. К. Ренненкампфа – *Анна Габриеле Ингеборг*, в девичестве *фон Штакельберг* (7.03.1822–12.01.1903).

³¹ Вернее, Рыцарское Домское училище. Старейшее учебное заведение эстляндского дворянства. П. К. и В. К. Ренненкампфы учились в нем в 1866–1870 гг.

³² Павел и Владимир обучались в Гельсингфорском пехотном юнкерском училище в 1870–1872 гг. П. К. Ренненкампф окончил также Николаевскую академию Генерального штаба (1879–1882).

После окончания не фешенебельного, как тогда считалось, юнкерского училища Павел держал экзамен на аттестат зрелости и в Академию Генерального штаба. Работал много и хорошо, чтобы достичь намеченной цели. Выдержал экзамены великолепно, первым, и обратил на себя внимание. Но эта усиленная работа кончилась плачевно – он заболел воспалением мозга. Сначала даже сам не понял, что заболел.

Начало болезни ознаменовал следующий случай (жил он тогда у матери в Петербурге). Ночью Павел поднялся с кровати и в ночном костюме вышел через парадную дверь, к счастью, ее не захлопнув. Пошел по улице, ничего не замечая и не соображая. Прохожих почти не было, и городской сразу заметил и узнал Павла в необычном для прогулки одеянии. Городской знал, где живет мать Павла, к тому же открытая настежь дверь ясно указывала, откуда тот вышел. По странному виду и отсутствующему взгляду городской понял, что перед ним больной человек. Он отвел Павла обратно и сдал на руки прислуге.

В семье поднялся переполох, больного уложили в постель и вызвали лучшего врача, который поставил диагноз. Великолепный уход, отличные врачи и сильный молодой организм победили болезнь. Все хорошо, что хорошо кончается!

О первых годах службы мужа мне известно мало. Знаю, что он всем сердцем любил свое дело и службу и жил только этим.³³ Чаще всего он вспоминал то время, когда командовал Ахтырским полком. Немало трудностей, незаслуженных обид и оскорблений пришлось ему тогда перенести.³⁴ Зависть и клевета уже начинали расти вокруг его имени, и врагов становилось все больше и больше.

Неприязнь к нему чувствовали не только сотоварищи, видевшие в нем счастливого и талантливого сверстника, но и некоторые лица из начальства. Начальник военного округа генерал Арагомиров³⁵ недолюбливал тогда еще очень молодого полковника Ренненкампфа. Этому немало способствовал и В. А. Сухомлинов³⁶ – правая рука генерала Арагомирова. Но П. К. Ренненкампф не обращал на все это особенного внимания и жил жизнью дорогого ему полка. Сам много работал и заставлял усиленно работать полк, готовил его к будущим войнам. Полк любил своего командира, восхищался его неутомимостью, преданностью военной жизни и работе.

³³ П. К. Ренненкампф служил в 6-м драгунском полку (24.06.1872–10.01.1873), с 10.01.1873 г. в 5-м драгунском Уманском полку. В чине корнета с 24.02.1873 г., штабс-ротмистр (22.03.1877). По окончании Академии Генштаба причислен к Генеральному штабу и назначен в Варшавский военный округ. Состоял в распоряжении начальника штаба Варшавского военного округа (23.09–2.11.1886), затем при штабе Казанского военного округа (2.11.1886–13.03.1888), старший адъютант войскового штаба Войска Донского (13.03.1888–31.10.1889), штаб-офицер для особых поручений при штабе 2-го армейского корпуса (31.10.1889–26.03.1890), начальник штаба Осовецкой крепости (26.03.1890–26.03.1891). Полковник (01.04.1890), начальник штаба 14-й кавалерийской дивизии (26.03.1891–12.12.1895), командир 36-го драгунского Ахтырского полка (12.12.1895–25.11.1899). Начальник штаба войск Забайкальской области (25.11.1899–24.07.1901).

³⁴ Автор имеет в виду обвинение П. К. Ренненкампфа в присвоении казенных денег, из-за чего он якобы должен был оставить Ахтырский полк и перевестись в Забайкалье. Однако его сослуживцы по Ахтырскому полку – генерал Г. И. Ельчанинов (в то время казначей этого полка) и полковник А. П. Волоцкой опровергают это обвинение. Последний пишет, что Ренненкампф оставил полк, т. к. получил назначение на более высокую должность начальника штаба войск Забайкальской области. См.: *Ельчанинов Г. И.* Полковник П. К. Ренненкампф – командир 36-го драгунского Ахтырского полка; *Волоцкой А.* Полковник П. К. Ренненкампф – командир 36-го драгунского Ахтырского полка // *Service historique de la Défense Château de Vincennes* (далее Vincennes). 1 к 125 Papiers Rennenkampf. Carton № 4. F. 2, 3 rev. – 4 rev. Ср.: *Сухомлинов В.* Воспоминания. Берлин, 1924. С. 94–95.

³⁵ *Драгомиров Михаил Иванович* (1830–1905) – генерал-адъютант (1878), генерал от инфантерии (1891), военный писатель. Адъютант-профессор Академии Генерального штаба (1860–1863), профессор той же академии (1863–1864). Начальник штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии (1864–1866), начальник штаба Киевского военного округа (1869–1873). Участник Русско-турецкой войны (1877–1878). Начальник Николаевской академии Генерального штаба (1878–1889). Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор (1898) и командующий войсками Киевского военного округа (1889–1903). Член Государственного совета (1903).

³⁶ *Сухомлинов Владимир Александрович* (1848–1926) – генерал от кавалерии (1906), член Государственного совета. Начальник штаба Киевского военного округа (1899–1902), начальник Генерального штаба (1908–1909), военный министр (1909–1915). В 1916 г. арестован по обвинению в государственной измене и в 1917 г. приговорен к пожизненному заключению. В 1918 г. освобожден по амнистии; эмигрировал в Финляндию, затем – в Германию.

Мне приходилось встречаться с бывшими ахтырцами, и они с восторгом вспоминали своего погибшего с честью командира. Они с любовью рассказывали о славном времени, когда мой супруг командовал их полком. Приходится верить им, т. к. нет причины сейчас, когда не только этот полк погиб, но и вся Россия в руках ее ненавистных врагов – большевиков, думать, что это какие-то любезности или заискивание передо мной, его женой. Вернее, вдовой, влащущей совершенно незначительное существование. Из-за слабости здоровья и преклонных лет я не играю никакой роли даже в эмигрантской жизни.

Все свое время мой муж отдавал полку: учениям, маневрам, охотам, скачкам и пробегам. П. К. Ренненкампф был душой и вдохновителем всего этого. Другой жизни, кроме полка, у него не было. Там, среди близких ему людей, он чувствовал себя как дома и проводил время вместе со своими офицерами. Тем не менее, он должен был бывать и в обществе. Как-то раз, на большом приеме – балу у генерала Драгомирова зашла речь о прекрасной выправке моего мужа. Супруга Драгомирова³⁷ предположила, что он носит корсет. Мой муж схватился за пуговицу мундира, как будто хотел ее расстегнуть и опровергнуть суждение генеральши. Драгомиров притворился, что поверил этому жесту и поспешно остановил мужа. При этом он сказал своей жене: «Я ведь говорил, какой Ренненкампф сумасшедший! Он ни перед чем не остановится, чтобы доказать, что другой неправ». Все весело смеялись, в том числе и мой муж.

Будучи молодым офицером, муж мой не раз участвовал в разных полковых традициях, довольно своеобразных и нередко опасных. Все это делалось для закаливания бесстрашия, развития находчивости и ловкости каждого из офицеров и было очень принято в полку. Генерал иногда рассказывал мне о некоторых обычаях. Делалось это, повторяю опять, для закаливания храбрости и привычки быть всегда осторожным, ловким и не терять присутствия духа, даже если голова не совсем свежа после полковых праздников или дружеских товарищеских обедов. Дамы, конечно, на них не присутствовали, и можно было выпить лишнего. Вблизи никого не было – Офицерское собрание помещалось в старинном красивом замке Меджибужа,³⁸ отделенном от других домов, как бы обособленном. Была глубокая ночь, стояла тишина. Все спали, кроме офицеров – устроителей своего праздника.

Вызывался смельчак, который с наполненным вином туром (большим рогом) выбирался через слуховое окно на крышу собрания. Он садился на резной конек, спускал ноги вниз и, держа рог обеими руками, перегибаясь назад, пил вино. Его следовало выпить, не отнимая рога от губ, как говорят, одним духом, все до капли. При этом довольно легко потерять равновесие. Часто и мой муж бывал таким смельчаком, а за ним – и другие офицеры. Несчастливого случая ни разу не было, никто не терял равновесия. Все сходило благополучно, хотя это было нелегким упражнением, если можно так сказать. У меня – слушательницы, ни разу не видевшей таких традиций, замирало сердце и кружилась голова. Муж же только улыбался.

Он с удовольствием вспоминал свою первую кампанию – усмирение Боксерского восстания в Китае.³⁹ Вспоминал лишения и трудности, радости и печали. Часто тепло отзывался о полковнике Мехмандарове,⁴⁰ которого любил и очень ценил. Война сблизила их – они вместе переносили и радости, и горести, оба были храбры и не ценили свои жизни.

³⁷ Драгомирова (ур. Григорович) София Абрамовна (? – 1912) – жена генерала М. И. Драгомирова.

³⁸ Меджибуж (Менджибож, Межибуж) – местечко Летичевского уезда Подольской губернии. Под Меджибожем устраивался лагерный сбор войск.

³⁹ Ихэтуаньское (Боксерское) восстание в Северном Китае (1899–1901). Начато тайным обществом Ихэцюань («Кулак во имя справедливости и согласия»), позднее получившим название Ихэтуань («Отряды справедливости и согласия»). В июне 1900 г. восставшие заняли Пекин. Подавлено при участии Германии, Японии, Великобритании, США, Франции, России, Италии и Австро-Венгрии.

⁴⁰ Мехмандаров Самедбей Садыгбей Оглы (1855–1931) – генерал-лейтенант от артиллерии (1908), военный деятель. В 1875 г. окончил Петербургское артиллерийское училище. Начальник артиллерии Управления 3-го Сибирского армейского корпуса (1907–1910). В Первую мировую войну командовал дивизией, затем – корпусом. Военный министр в правительстве

Муж, смеясь, говорил мне, что на войне можно было ожидать всего. Очень смешно, но доходило и до печеных на огне ворон. Еды не было, а ворон всюду масса, подстрелить не так трудно, но мясо у них жесткое и не питательное.

Один из его рассказов особенно запечатлелся в моей памяти. Постараюсь его точно воспроизвести. Как-то ночью его с частью отряда окружили хунхузы.⁴¹ Все устали и спали как никогда, выхода же из окружения не было. Враги подошли близко, и временами слышался их гортанный говор.

По тревоге все спешно собирались, и мой муж видел, что его отряд струсил. Желая поднять боевой дух, он всюду появлялся и громко приветствовал солдат, которые заплетающимся языком еле слышно отвечали ему. Тогда он, смеясь и храбрясь, прибавив крепкое русское словцо, приказал им отвечать громко и смело, чтобы хунхузы не думали, что отряд струсил. В ответ грянуло громкое приветствие. Его смелый вид и шуточные слова успокоили солдат. Они думали, что не все погибло: начальник выведет их, раз он спокоен и весел. На войне, особенно в опасной ситуации, много значат спокойствие и находчивость. Между тем, мой муж не нашел выхода, но никто об этом не знал. Все упование было тогда на одного Господа, и Господь помог.

По какому-то наитию мой муж провел отряд через найденную в горе расселину, о которой не знали даже местные хунхузы. Наши войска неожиданно ушли от них, как сквозь землю провалились. Хунхузы не понимали, куда они исчезли, куда делась верная добыча, и долго не могли прийти в себя. Это было чудом и для моего мужа, т. к. он не знал об этой расселине. Войска же думали, что он вел их наверняка и знал об этом проходе. Конечно, если бы этот путь не нашелся, то люди не сдались бы врагу живыми. Все знали о зверствах хунхузов и о тех мучениях, которым они подвергали пленных перед смертью. Помню, как генерал рассказывал мне об этом, вновь переживая этот случай. Он называл это чудом, говорил, что всей душой обратился тогда к Господу, и Бог спас.

Он считал лжецом того, кто говорил, что никогда не испытал страха на войне. Муж узнал, что такое страх в ту ночь в окружении хунхузов, но, по его словам, боялся не за себя, а за людей, за вверенный ему отряд, ведь они все до одного могли погибнуть.

Усмирение Боксерского восстания стало для генерала началом славы и тем самым породило еще большее число врагов и завистников. За эту кампанию он получил два креста Святого Георгия⁴² – третьей и четвертой степени. Георгия третьей степени⁴³ он получил из рук генерала Гродекова, который снял этот крест со своей груди. Гродеков, в свою очередь, получил эту награду от генерала Скобелева. Тот также снял его со своей груди, вручая Гродекову.⁴⁴

Азербайджанской демократической республики, организатор национальных вооруженных сил. После образования Азербайджанской ССР – на преподавательской работе. С 1928 г. в отставке.

⁴¹ Хунхузы (от китайского хунхузы, буквально – краснобородый) – участники вооруженных банд в Маньчжурии с середины XIX в. до 1949 г. Речь идет об участии П. К. Ренненкампфа в подавлении восстания ихэтуаней.

⁴² Орден Святого Георгия (Георгиевский крест) учрежден в России в 1769 г. для награждения офицеров и генералов за военные отличия; в 1807 г. – для награждения солдат и унтер-офицеров. Имел 4 степени.

⁴³ Зачеркнуто карандашом: «он получил».

⁴⁴ Гродеков Николай Иванович (1843–1914) – генерал от инфантерии (1900), член Государственного совета. С 1876 г. служил в Туркестанском военном округе под началом М. Д. Скобелева. Военный губернатор Сыр-Дарьинской области (1883–1893). Приамурский генерал-губернатор и командующий войсками Приамурского округа (1898–1902), командующий войсками на Дальнем Востоке (февраль–сентябрь 1906), Туркестанский генерал-губернатор. В 1881 г. награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Исследователь Средней Азии. Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) – генерал от инфантерии (1881), генерал-адъютант (1878). Участвовал в завоевании Средней Азии. С февраля 1876 г. военный губернатор Ферганской области. В Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. командовал отрядом под Плевной, затем дивизией в сражении при Шипке–Шейново. В феврале 1878 г. занял местечко Сан-Стефано под Стамбулом. Успешные действия русской армии под командованием Скобелева способствовали большой популярности генерала в России и Болгарии. О «скобелевском» кресте генерала Ренненкампфа сообщает также один из его подчиненных Н. В. Зарецкий. Газета «Новое время» опубликовала статью о «скобелевском значке», который подарила Ренненкампфу сестра М. Д. Скобелева Надежда Дмитриевна. По мнению ее автора, этот значок принес П. К. Ренненкампфу удачу под Гумбинненом. См.: «Скобелевский значок» // Новое время. 24.08 (6.09)

Муж очень дорожил этой реликвией и бережно ее хранил. В некоторых местах белая эмаль на этом кресте начала портиться, и генерал очень редко его надевал. Носил же постоянно другой, купленный им самим. На трех золотых краях «скобелевского» креста были выгравированы имена и фамилии имевших его генералов. Только один край награды был свободен от чьей-либо фамилии. Муж мой говорил, что ее никогда не будет, так как он никому не отдаст своего креста.

Очень жалею, что эта реликвия погибла во время революции. Муж мой дорожил только этими, редкими в то время Георгиевскими крестами. Став полным генералом, т. е. генералом от кавалерии,⁴⁵ он не раз говорил мне, что все остальные кресты и медали он ни во что не ставит. Называл их «иконостасом» на груди, когда приходилось носить полную форму со всеми орденами.

Как на иконостасе рисуют святых и самого Христа и Святую Матерь Его не с подлинников, а со случайных моделей – знакомых или близких художника, нередко с очень грешных и нечестных людей, и это не «настоящее», так и ордена. Их часто дают незаслуженно, по протекции. «Иконостас» на груди у многих говорит совсем не об их заслугах, храбрости или неустанных трудах, а о том, что им «бабушки ворожат» или они «за тётенькин хвостик держались». Муж говорил мне с глазу на глаз, что всегда рвался в бой, на войну, к победам. Говорил, что война – его стихия, что рожден воякой. Он работал, служил не за страх, а за совесть. Не для того, чтобы получить орден, крест, славу, а потому что у него была такая натура, и он глубоко любил Отечество, хотел, чтобы в Европе считались с Россией.

В жизни мой муж был скромн, прост, не любил роскоши, праздности и рутины. Был деятельный, энергичный, живой, находчивый, сам работал и умел заставить работать других. Хорошие солдаты и офицеры, умные и не лодыри его уважали и очень любили. Они знали, что генерал Ренненкампф всегда заметит и оценит их труд. Знали, что он справедлив и зорко, как орел, видит их всех и судит по правде.

Возвратившись с войны, генерал получил от Государя предложение командовать гвардейской бригадой в Петербурге. Тогда это было особой милостью Николая II⁴⁶ и особой честью. Муж мой, нимало не раздумывая, храбро и категорически отказался, не боясь неудовольствия Государя. Свой отказ он объяснил тем, что любит работать и заставляет работать всех своих подчиненных, невзирая на лица и титулы, а за малейший промах или неудачу взыскивает со всей строгостью. В качестве же командира гвардейской бригады ему пришлось бы считаться с маменькиными сынками и великими мира сего, а это – не в его характере. Да и Государю не дали бы покоя жалобами на то, что он мучает до смерти титулованных лиц маневрами и учениями. Не для него была такая служба. Государь улыбнулся. Очевидно, он и сам это понял, не рассердился и не настаивал на своей милости. Муж был назначен командовать 1-й отдельной кавал[ерийской] бригадой, стоявшей в городе Борисове.⁴⁷ Офицеры его очень любили за прямоту и за заботу о них. Много лет спустя, когда генерала уже не было с ними, они постоянно переписывались с ним и приезжали повидаться, спросить совета. Верили в него как в военного учителя и хорошего стратега.

В Борисове муж часто встречался с образованнейшим и умнейшим помещиком Колодевым и с его старушкой-женой.⁴⁸ Их сближало поклонение военному таланту, можно сказать,

1914. № 13811. С. 3.

⁴⁵ В генералы от кавалерии П. К. Ренненкампф был произведен 6.12 1910 г.

⁴⁶ Николай II Александрович (1868–1918) – российский император (1894–1917). Расстрелян с семьей в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17.07 1918 г.

⁴⁷ П. К. Ренненкампф был начальником 1-й отдельной кавалерийской бригады с 24.07 1901 по 1.02 1904 г.

⁴⁸ Колодеев Иван Хрисанфович (1859–1914) – библиофил, коллекционер, общественный деятель, один из учредителей Военно-исторического общества. Собрал обширную библиотеку (более 10 тыс. томов), коллекцию изобразительных материалов и предметов, относившихся к войне 1812 г. Для пополнения своего собрания предпринимал поездки в Европу. Историк К. А. Военский характеризовал коллекцию Колодеева как «самое богатое хранилище по эпохе Отечественной войны». Супруга

гению – Наполеону.⁴⁹ Колодеев собрал роскошную библиотеку о Наполеоне: в ней было все, что о нем писали на русском, французском и других языках. Кроме того, у Колодеева имелись много собственноручных карт и планов великого полководца и коллекция разных предметов, относящихся к Наполеону. Муж и этот помещик много беседовали об императоре французов, много вместе читали, и это их очень сблизило. П. К. Ренненкампф оставался верным другом Колодеева до самой его смерти.

Всю коллекцию книг, карт и вещей Наполеона Колодеев незадолго до своей смерти пожертвовал России. Знаю, что его жена отвезла ее в Москву, и хранилось это сокровище в Кремле. Что стало с этим даром – не знаю. Жаль, если погибло или пошло на сигарки большевикам.⁵⁰

Из рассказов моего мужа запомнилась еще одна удивительная история. У него был денщик-татарин, который ухаживал в конюшне за лошадьми. По непонятной для денщика причине лошади стали падать в теле, худеть и болеть. У татар же существует поверие – если убить еврея и закопать в конюшне, где болеют лошади, то все как рукой снимет, и лошади поправятся. Недолго думая и желая отличиться уходом за лошадьми, солдат ночью в пустынном месте подстерег еврея, убил его и закопал в конюшне под настилом из досок...

Дело это в один печальный день обнаружилось. Бедный даже не успел проверить ужасного поверья, не успел посмотреть, поправятся ли лошади от его средства. Солдат признался во всем, был отдан под суд и понес тяжелое наказание, а начальство, т. е. мой муж (в то время командующий бригадой), получил незаслуженный выговор от командующего корпусом. По его мнению, денщик совершил преступление потому, что не был должным образом воспитан. Вина, таким образом, отчасти падала и на моего мужа. Очевидно, командующий корпусом мало знал татар, их поверья и приметы, иначе он не сказал бы такого моему мужу.

Не прошло и нескольких месяцев, как командующий корпусом снова вызвал к себе моего мужа. Ренненкампф явился быстро, по форме одетым и ждал, не зная, в чем дело. Вошел все тот же командир корпуса, смущенно пожал руку моему мужу и извинился за свой недавний разнос из-за убийства еврея на пользу лошадиного здоровья. Он сказал, что погорячился и был неправ. Оказалось, что денщик командующего повесил еврея на люстре у него в квартире. Денщик слышал, как еврей поносил командующего, отказавшегося принять его мошенническую поставку фуража. Этот солдат также попал под суд.

Командующий просил моего мужа забыть эту историю и не сердиться на него, прибавив, что солдаты-татары слишком уж любят свое начальство, а сами за это гибнут.

Вскоре вспыхнула Русско-японская война, и генерал Ренненкампф отправился на фронт. Во время войны он был серьезно ранен в ногу на полтора сантиметра ниже колен[ного] сустава. Врач тут же осмотрел рану. Сапог нельзя было снять обычным способом, т. к. это причиняло боль. Пришлось его разрезать и отрезать кусок брюк, чтобы освободить ногу. Муж мой ни за что не хотел оставить японцам эти «трофеи» и велел их сжечь в его присутствии.

Колодеева Ольга Сергеевна в 1912 г. передала собрание изобразительного материала, часть библиотеки мужа и его личный архив Историческому музею в Москве. По свидетельству О. С. Колодеевой, у ее мужа было много документов, относившихся к биографии П. К. Ренненкампфа, в том числе его письма из Маньчжурии и Сибири. Все они погибли во время революции 1917 г. Колодеева (ур. Карцова) Ольга Сергеевна (? – 1934), в 1904 г. вышла замуж за И. Х. Колодеева. После революции 1917 г. в эмиграции в Германии и Франции. См.: О. С. Колодеева – В. В. Чернавину. Париж 13/26.08.1933 // Vincennes. 1 к 125 Papiers Rennenkampf. Carton № 2. Dossier «Lettres sur le générale de Rennenkampf». F. 2–3 rev.; Военский К. А. Библиотека и собрание И. Х. Колодеева по 1812 году, в Новоборисове, Минской губ. // Военский К. А. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. М., 19[12]. С. 67–78. Цитата С. 67.

⁴⁹ Наполеон I Бонапарт (1769–1821) – император французов (1804–1814, март-июнь 1815 г. «Сто дней»).

⁵⁰ Коллекция И. Х. Колодеева хранится в Москве, в отделе изобразительных материалов Государственного исторического музея. Часть его библиотеки была передана в 1920-х гг. Белорусской ССР по требованию ее руководства и погибла во время Великой Отечественной войны.

Досадное ранение лишило его возможности участвовать в сражении при Ляояне.⁵¹ Оно заставило мужа на время оставить свои войска и лечь в госпиталь Крас[ного] Креста, где сестрой милосердия была жена его адъютанта Надежда Ивановна Гейзелер.⁵² Потом, уже в Вильно, она рассказала мне о случае, который произошел при лечении генерала Ренненкампф а.⁵³

После двух операций рана на ноге никак не заживала и гноилась из-за множества мелких осколков кости, оставшихся в ней от пулевого ранения. Но генерала мучило не это – он был очень терпелив. Он рвался в бой, к своим войскам, а рана не пускала его из госпиталя. Наконец, все очистили, и заживление пошло быстро. Муж мой обе операции перенес без хлороформа только потому, что из-за его нехватки солдат оперировали без наркоза. Он не хотел никаких преимуществ перед солдатами и наотрез отказался от наркоза. Врачи были удивлены, но подчинились его требованию. Единственное, что он позволил себе, – это курить сигару во время мучительной операции.

Наконец, ему стали делать массаж и горячие ванны для ноги. Генерал тосковал по войскам и все торопил врачей и сестру милосердия. Он хотел быстрее выйти из лазарета. Раз даже не выдержал и просил на носилках отнести его к войскам, увидел их и немного успокоился. Это вызвало большой энтузиазм. Все были рады его видеть и поняли, что скоро он снова возглавит войска.

Вернувшись в лазарет, мой муж не мог дождаться, когда выберется из него. Он просил сестру Гейзелер приналечь на лечение, т. к. у него уже не было терпения оставаться праздным во время войны. Вот она и постаралась.

Однажды Над[ежда] Ивановна Гейз[елер] приготовила горячую ванну для его ноги. Генерал был послушным, терпеливым больным и делал все, чтобы скорее поправиться. Сестра заметила, что, поставив ногу в ванну, он изменился в лице. С каждым мгновением борьба и страдание все больше и больше отражались на его лице. Она спросила: не болит ли рана, не дурно ли ему. Генерал ответил отрицательно, но ванна, по его словам, столь горяча, что если бы сестра была не русской, а японкой, то он мог думать, что она хочет сварить его ногу. Гейзелер поспешно велела вынуть ногу. С ужасом увидев, что вся кожа побелела, начала извиняться за свою ошибку.

Хорошо еще, рассказывала Надежда Ивановна, что по его лицу заметила неладное, иначе не только кожа сошла бы, но и мясо отвалилось, такая горячая была вода. По своей рассеянности она не посмотрела на градусник. На ее вопрос, почему генерал сразу ничего не сказал, он ответил, что она, а не он сестра милосердия. Он подчинялся ей и думал, что такая температура и должна быть. Оказалось же, что она – сестра *без* милосердия. Генерал говорил, что не сердится на нее и, заметив слезы на глазах Надежды Ивановны, успокаивал ее как мог. Она очень любила и уважала генерала и досадовала на себя за такую оплошность.

Бог дал – все прошло, зажило, и генерал был счастлив вернуться в строй. Сестра Гейзелер никак не могла забыть эту историю с ногой, как и то, что генерал перенес операцию без хлороформа. Слухи об этой операции быстро разнеслись между солдатами, и они, полюбив П. К. Ренненкампфа еще больше, говорили: «Ишь ты, герой наш-то генерал!».

⁵¹ Ляоянское сражение 17–21.08.1904 г. – одно из крупнейших сражений Русско-японской войны (1904–1905) в районе города Ляоян. После четырехдневных боев наступавшие японские войска (командующий 1-й армией генерал Т. Куроки) были остановлены. Однако главнокомандующий русской армией генерал А. Н. Куропаткин отдал приказ об отступлении к Мукдену.

⁵² *Гейзелер Эрих-Леопольд Павлович* (1878–1915) – адъютант Ренненкампфа, штаб-ротмистр (3-й уланский Смоленский Императора Александра III полк). Участник Русско-японской (1904–1905) и Первой мировой (1914–1918) войн. Его супруга *Надежда Ивановна Гейзелер* во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. была сестрой милосердия. После революции осталась в Петрограде. В 1936 г. ей удалось ненадолго выехать к своим дочерям в Германию и встретиться с В. Н. Ренненкампф в Париже. Ее судьба после возвращения в СССР неизвестна.

⁵³ В действительности В. Н. Ренненкампф узнала об этом случае позднее, из воспоминаний Н. И. Гейзелер, написанных по просьбе Татьяны Павловны в Париже в 1936 г. Гейзелер просила их не публиковать, опасаясь, что это может повредить ей после возвращения на родину.

Муж как-то рассказал мне о том, что он во время войны ночевал один на другом берегу реки Шахэ.⁵⁴ Генерал Куропаткин⁵⁵ все время задерживал его отряд, не позволял переходить реку, ссылаясь на опасность и возможность поражения вследствие превосходства сил неприятеля. П. К. Ренненкампф же хотел доказать, что местность хорошо обследована, и никакой опасности нет. Нарушить приказ – не рисковать отрядом он не мог, поэтому решил рисковать только собой. Вместе с двумя солдатами, добровольно последовавшими за ним, он переправился на другой берег и переночевал там. Об этом и о верности своих сведений генерал немедленно донес Куропаткину. Говорят, в окружении Куропаткина много смеялись этому донесению и находчивости П. К. Ренненкампфа.

Муж мой объяснял это категорическое приказание и страх генерала Куропаткина интригами и завистью в его окружении. Оно боялось и не хотело побед отряда моего мужа. Вдруг еще какой подвиг, победа, а за ними – отличие, орден или какая-либо другая милость генералу Ренненкампфу. Мало кто думал о Родине, о ее славе. Мало кто любил Родину так, как генерал Ренненкампф. Вот был истинный патриот, а как любил войну! Он был рожден для войны, для побед. Теперь его нет в живых, получил в конце концов белый деревянный крест на свою мученическую могилу, умер, любя Россию. Он не хотел служить у большевиков, как ему предлагали. Многие из офицеров и генералов пошли к ним на службу, спасая свою жизнь, он же выбрал смерть.

Теперь все кончено – России нет. Пишу не для чего-либо, т. к. не перед кем выслуживаться и искать похвалы, славы или каких-либо преимуществ для себя. Я измучена. Годы и жизнь, полная горя и лишений, сделали свое дело – я быстрыми шагами иду к могиле. Пишу это тебе, дорогая дочь, чтобы ты знала правду – истину, чтобы глубоко любила и уважала своего погибшего отца, гордилась им. Много зла в мире, много врагов-завистников у генерала Ренненкампфа даже *после* смерти. История же, в конце концов, скажет свое слово истины, близок этот час. А врагов да простит Господь Бог, как я и как генерал Ренненкампф простил их перед своей смертью. О врагах можно сказать словами самого Христа, когда его – Бога распинали на кресте: «Прости им, Господи, ибо не знают, что творят».⁵⁶

В Русско-японскую войну П. К. Ренненкампф получил чин генерал-лейтенанта в тот самый день, когда был ранен. Затем был награжден орденом Святого Станислава первой степени с мечами и Святой Анной тоже первой степени, но без мечей, хотя в приказе значилось «за боевые отличия в делах против японцев».⁵⁷

В бытность командиром III армейского корпуса⁵⁸ генерал как-то сказал мне, что ему досталось от военного министра генерала Сухомлинова. Он просил не принимать этого близко к сердцу и добавил, что Сухомлинов – его личный враг с давних лет. Военный министр, по словам мужа, старался вредить ему всегда и во всем, даже если это было в ущерб делу.

⁵⁴ Шахэ – река в Северо-Восточном Китае, в бассейне реки Ляохэ. На Шахэ во время Русско-японской войны 22.09–4.10 1904 г. произошло сражение между русской Маньчжурской армией (генерал А. Н. Куропаткин) и тремя японскими армиями (маршал И. Ояма), в котором ни одна из сторон не смогла добиться победы.

⁵⁵ Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – генерал-адъютант, генерал от инфантерии (1901), военный министр (1898–1904). В Русско-японскую войну (1904–1905) командовал войсками в Маньчжурии. В Первую мировую войну – командующий армией и Северным фронтом (в 1916 г.). Туркестанский генерал-губернатор (1916–1917). В апреле 1917 г. арестован. Освобожден Временным правительством.

⁵⁶ Евангелие от Луки (23:34).

⁵⁷ Чин генерал-лейтенанта Ренненкампф получил 21.08 1904 г. (почти два месяца спустя после ранения 30.06 1904 г.). Однако старшинство в чине считалось с 30.06 1904 г. «За отличие в делах против японцев» он был награжден 8.03 1905 г. орденом Святого Станислава 1-й степени с мечами. Орден Святой Анны 1-й степени Ренненкампф получил 4.11 1907 г. уже после окончания Русско-японской войны.

⁵⁸ П. К. Ренненкампф командовал 3-м армейским корпусом с 27.12 1906 г. по 20.01 1913 г.

Оказалось, что муж мой получил Анну без мечей, а в приказе говорилось, что он награждается за боевые действия. Он заметил, что не может принять и носить орден, полученный за *боевые действия*, но без мечей.⁵⁹ Сухомлинов придрался к этой фразе и сделал официальное замечание. В соответствующей бумаге было написано, что от царской награды нельзя отказываться. Вот как он повернул дело, чуть ли не революционером сделал. Мой муж не унялся и ответил, что не может принять орден, так как бедность не позволяет ему уплатить причитающуюся за него сумму. Его все-таки заставили принять награду и разрешили выплачивать за нее частями. Он принял ее *без удовольствия*, но частями выплачивал с удовольствием. Хоть на этом отвел сердце. Сухомлинов вечно делал неприятности. Хорошо, что эта история с орденом кончилась благополучно, и мой муж в конце концов посмеялся.

Ордена не приносили мужу ни радости, ни удовольствия. Его часто обходили или не вовремя награждали, или давали боевую награду, но *без мечей*. Другим таких неприятностей никогда не делали. Наверное, по этой причине он был равнодушен к орденам, т. к. такие награждения можно счесть обидой, издевательством или насмешкой.

Из всех своих орденов генерал ценил только орден Святого Георгия. С двумя Георгиевскими крестами он никогда не расставался, даже когда сидел при большевиках в Петропавловской крепости.⁶⁰ Приходя к нему на свидания, я всегда видела у него на шее и на груди эти любимые награды. Большевики хотя и запретили носить погоны, но эти два креста оставили.

Кроме них, генерал Ренненкампф получил золотое оружие. Он был награжден и золотым оружием, украшенным бриллиантами. Эта пашка была парадная и эффектная. Сама эта награда в то время была большой редкостью.⁶¹ Больше всего он любил кривую турецкую пашку с великолепным старинным клинком, всегда остро отточенную. Говорил, что в бою она отлично сносит головы неприятелей. Часто носил и старинную серебрян[ую] кавказскую пашку. Генерал любил оружие, весь его кабинет был им увешан. Муж знал толк в клинках и никогда не упускал случая приобрести старинное, хорошее оружие.

⁵⁹ За боевые заслуги офицеры награждались орденами Святой Анны 3-й и 2-й степеней, Святого Станислава 2-й и 3-й степеней, Святого Владимира 4-й степени с мечами. Мечи служили отличием боевой награды.

⁶⁰ Ошибка автора: в Петропавловскую крепость Ренненкампф был заключен при Временном правительстве.

⁶¹ Золотым оружием с надписью «за храбрость» П. К. Ренненкампф был награжден 20.12 1904 г. за отличие в боях с японцами с 27.09 по 3.10 1904 г. Бриллиантовые украшения к золотому оружию он получил 5.03 1906 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.